

DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.3.024
УДК 811.161.1'373.232 + 811.161.1'42

Б. Ю. Норман

Белорусский государственный университет
Минск, Белоруссия
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

А. М. Плотникова

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ОТАНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ РУССКОГО ЯЗЫКА: КОРПУСНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ОДНОГО СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТИПА*

В статье рассматриваются словообразовательные и семантико-прагматические особенности русских прилагательных, мотивированных фамилиями (пушкинский, чеховский, ленинский и др.). Рассматриваются типы суффиксальных морфов, при помощи которых образуются адъективы от русских и иноязычных фамилий. Характеризуются внутриязыковые условия, препятствующие образованию адъективов, а также осмысляются внеязыковые факторы, влияющие на употребление дериватов от фамилий. Популярность политика или общественного деятеля, артиста или спортсмена прямо стимулирует употребление не только самой фамилии, но и ее дериватов. Корпусный подход, использованный в отношении прилагательных, образованных от фамилий политических деятелей и писателей, позволяет выявить совокупности единиц, названных в статье семантическими кластерами. Они выделяются на основе категориального значения прилагательного и принадлежности сочетающихся с ним существительных к одному идеографическому

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02005).

© Норман Б. Ю., Плотникова А. М., 2017

классу. Прилагательные, образованные от фамилий, не относятся к определенному грамматическому разряду, в них соединяются признаки качественных, относительных и притяжательных адъективов. Прецедентные имена определяют коннотации отантропонимических дериватов, хотя семантическая структура производного не обязательно копирует семантику производящего имени. Отантропонимические дериваты становятся удобной формой для упаковки сложной информации, а их понимание предполагает наличие фоновых знаний и обусловлено принципами композиционной семантики.

Ключевые слова: русский язык, прилагательное, антропоним, фамилия, отфамильные прилагательные, семантика, прагматика, словообразовательный тип.

Отономастическая деривация широко представлена в русском языке как узואльными, так и окказиональными единицами всех самостоятельных частей речи. Например, от антропонима *Пушкин* образуются такие слова, как *пушкинский*, *пушкиниана*, *пушкинистика*, *по-пушкински*, *пушкиновед*, фиксируется окказиональный глагол *опушкиниться*.

Образование прилагательных от антропонимов подчиняется определенным внутриязыковым условиям. Так, основную массу адъективов, производных от фамилий, составляют единицы с суффиксом *-ск-* (*пушкинский*, *лермонтовский*, *мицкевичский*, *бетховенский*). Морф *-ск-* используется при образовании прилагательных, мотивированных русскими фамилиями на *-ов/-ев*, *-ин/-ын* (*булгаковский*, *репинский*), фамилиями на *-ич* (*юденичский*), иноязычными фамилиями с основой на *-ин* (*чаплинский*), иноязычными фамилиями с основой на согласный (*рейганский*).

Значение этих единиц вписывается в круг значений, выражаемых прилагательными, которые образованы от имен лиц: «Прилагательные, мотивированные словами со значением лица, способны выражать ряд значений — от принадлежности к конкретному лицу до свойственности кругу лиц (*отцовский*, *кунацкий*) или принадлежности к идеологическому направлению, течению, связанному с данным лицом (*ленинский*, *толстовский*). Ср. значения прилагательных этого типа в сочетаниях <...> *ленинский кабинет в Кремле* и *ленинский курс партии*. Поэтому с семантической точки зрения такие прилагательные одновременно мотивируются не только существительными со значением лица, но и соотносительными существительными, называющими свойство, профессию, род деятельности, общественное и идеологическое течение: *ленинский* (*Ленин* и *ленинизм*), *толстовский* (*Толстой* и *толстовство*)» [РГ 1980, 1, 281].

В адъективных производных от фамилий активно используется морф *-овск-* (*шекспировский*, *горьковский*, *дарвиновский*). При этом отмечается вариативность форм: *олбрайтский* и *олбрайтовский* (от фамилии *Олбрайт*). В случае омонимии антропонима и топонима, антропонима и нарицательного имени возможны сложносуффиксальные образования, мотивированные не только фамилией, но и именем лица: *джекклондоновский*, *роальддалевский*.

От фамилий иноязычного происхождения на согласный возможны образования с морфом *-ианск-*, например *тетчерианский* как дублет варианта на *-овск-* (*тетчерианская философия, тетчеровские принципы управления государством*).

Нельзя образовать прилагательное от некоторых фамилий на гласный (*Дурново, Живаго, Плевако, Бенуа, Жомини, Дали, Золя*), хотя в ряде случаев такие образования становятся возможными (*Гойя — гойевский*). Иногда прилагательные образуются путем усечения конечного гласного основы при помощи морфов *-овск-/евск-*, *-инск-/енск-*: *Жюль Верн — жюльверновский, Кони — коневский, Глинка — глинкинский, Фрунзе — фрунзенский*. С усечением основы образуются прилагательные от фамилий на *-онко/-енко* (*шевченковский, лукашенковский*).

Обычно не образуются дериваты от фамилий на *-ых/-их* (*Белых, Петровых, Лисьих*), однако в художественных текстах единичные употребления таких прилагательных встречаются: «Дым табачный воздух выел. Комната в *крученыховском* аде» <В. Маяковский>.

Плохо образуются прилагательные от фамилий, уже имеющих в своем составе суффикс *-ск-* (*Достоевский, Маяковский, Жириновский* и т. п.), хотя встречаются и такие примеры, в которых происходит наложение суффиксального морфа на финаль основы: «Чтобы драться, надо уметь ненавидеть, а это совсем не *маяковская* эмоция» <Д. Быков>; «Маяковскому под ноги — *Маяковская* Москва!» <А. Вознесенский>. Иногда, чувствуя некоторую неловкость образованного деривата, автор заключает его в кавычки, как в предисловии к новому изданию учебника А. А. Реформатского «Введение в языковедение»: «...текст <...> почти лишенный в этом фрагменте обычной “*реформатской*” индивидуальности» [Виноградов, 2005, 11].

Адъективы обычно не образуются от фамилий, внешне совпадающих с прилагательными (*Сахарный, Летучий, Белый*), однако это правило нарушается в случае с фамилией *Горький* (*горьковский*).

Наконец, практически не образуются прилагательные от фамилий — бывших прозвищ и кличек: *Кулак, Окунь, Лебедь, Горбач* и т. п. Вероятной причиной этого может быть нежелательная двойная мотивация: *лебедевский* от *Лебедев* и *Лебедь*. Та же причина обуславливает неупотребительность дериватов от фамилий типа *Шевчук, Кравчук*, так как *шевчуковский* и *кравчуковский* могут совпадать с фамилиями на *-ский*.

Представленные способы образования отантропонимических прилагательных указывают на то, что есть внутриязыковые условия (фонетические, словообразовательные, этимологические), которые мешают создавать от некоторых фамилий адъективы.

Отономастические прилагательные обычно не фиксируются в словарях русского литературного языка. Исключения составляют лексемы *ленинский* и *толстовский*, которые связываются с определенной идеологией:

- *ленинский* ‘соответствующий принципам ленинизма’ [МАС, 2, 174];
- *толстовский* ‘относящийся к учению Л. Н. Толстого, толстовству, к толстовцам’ [МАС, 4, 376].

В словаре под редакцией Д. Н. Ушакова зафиксировано идеологически нагруженное толкование прилагательного *сталинский*: ‘прил., по знач. связанное с великой эпохой строительства социализма в СССР под руководством вождя народов товарища И. В. Сталина’ [СУ, 4, 479]. В качестве мотивирующей основы этого прилагательного выступает антропоним, в то время как название общественного течения *сталинизм* мотивирует появление прилагательного *сталинистский* (в словаре Д. Н. Ушакова не отмечено).

Приведенные примеры побуждают задуматься о проблеме соотношения разрядов прилагательных, не имеющих однозначного решения ни в академических грамматиках, ни в учебной и научной литературе (см. обзор подходов к разграничению разрядов прилагательных в монографии Н. Е. Сулименко [2008]). С одной стороны, можно считать исследуемые слова притяжательными прилагательными на основании наличия у них посессивного значения. Рассматривая посессивность как функционально-семантическое поле, авторы «Теории функциональной грамматики» показывают его связь с отношениями обладания, владения, принадлежности, партитивности [ТФГ, 100] и тем самым фиксируют неоднородность категориального значения. Например, в предложении «Когда, отдохнув после трудного обеда, все собрались к чаю, вдруг пришел воротившийся из города *обломовский* мужик» <И. Гончаров> прилагательное *обломовский* может реализовать и значение владения — ‘мужик из числа крепостных крестьян, принадлежавших Обломову’, и значение происхождения — ‘мужик из деревни Обломовки’.

С другой стороны, можно относить исследуемые слова к промежуточному притяжательно-относительному типу, однако и в этом случае нельзя не заметить процессов окачества этих прилагательных, например в таких словосочетаниях, как *тургеневские девушки*, *наполеоновские планы* и т. д.

Если притяжательные прилагательные вообще обречены на вымирание как «бесперспективный» класс слов [Виноградов, 1947, 200], то неудивительно, что то же самое происходит и с отантропонимическими адъективными образованиями.

Корпусный анализ дает инструментарий, позволяющий охарактеризовать коннотативный потенциал исследуемых слов и в целом их прагматические функции. Частотность отантропонимических прилагательных — прямое отражение идейного и культурного фрагмента языковой картины мира данного социума. Популярность политика или общественного деятеля, артиста или спортсмена прямо стимулирует рост употребления не только самой фамилии, но и ее дериватов.

Обратимся к анализу прилагательных, образованных от имен политических лидеров СССР и современной России: *ленинский*, *сталинский*, *хрущевский*, *брежневский*, *горбачевский*, *ельцинский*, *путинский*. Прилагательные *андроповский*,

черненкоковский и *медведевский* специально не рассматриваются из-за малочисленности контекстов, в которых они употребляются.

По данным [НКРЯ], распределение по степени убывания частотности таково (в скобках указано количество словоупотреблений): *ленинский* (5 006), *сталинский* (1 858), *хрущевский* (646), *брежневский* (460), *горбачевский* (428), *ельцинский* (485), *путинский* (422). Позиции прилагательных на шкале частотности почти совпадают с последовательностью правления лидеров государства — за исключением незначительного перевеса контекстов с прилагательным *ельцинский* над словоупотреблением *горбачевский*. Необходима определенная временная дистанция для оценки деятельности политика и рефлексии над его достижениями и неудачами.

Нельзя не учитывать, что некоторые из рассматриваемых отантропонимических образований носят устойчивый характер и образуют терминологические сочетания (*Сталинская премия, сталинские соколы*), относящиеся к сфере фразеологии. Стоит отметить также наличие сложных образований *горбачевско-ельцинский период, горбачевско-ельцинско-путинские реформы*.

Сочетаемость исследуемых прилагательных позволяет выделять семантические типы, условно называемые нами *семантическими кластерами*, поскольку их образуют совокупности единиц, группируемые на основе категориального значения прилагательного и принадлежности сочетающихся с ним существительных к одному идеографическому классу.

Так, прилагательное *сталинский* формирует следующие объединения сочетающихся с ним единиц.

1. Темпоральный кластер: *эпоха, пятилетки, годы, период* (641 единица).
2. Акциональный кластер:
 - а) «созданный Сталиным или возникший в результате деятельности Сталина»: *политика, режим, система, социализм, власть, диктатура, формация, бюрократия, идеология, план* (307 единиц);
 - б) «осуществляемый в соответствии с идеологией, пропагандируемой Сталиным»: *репрессии, лагерь, террор, чистка, зверство* (332 единицы);
 - в) «созданный в то время, когда Сталин был у власти»: *стройки, дом, ампир, архитектура, постройка* (103 единицы);
 - г) «произнесенный или написанный Сталиным»: *слова* (10 единиц), *труды* (3 единицы).
3. Компаративный кластер («такой, как у Сталина»): *френч* (2 единицы), *усы* (3 единицы). В эту группу входят случаи, когда предметы одежды и приметы внешнего облика Сталина становятся основанием для сопоставления с ним: «Муж ее, Матиас, с усами сталинского покроя, молчаливо присутствовал как главная деталь декорации» <Л. Улицкая>.
4. «Имущественный» кластер («принадлежащий Сталину»): *трубка* (3 единицы), *дача* (5 единиц).

5. Эмоционально-оценочный кластер: *забота, щедрость, мудрость* (13 единиц).

6. Номинативный кластер («названный в честь Сталина»): *Сталинский район* (9 единиц).

Остальные контексты приходятся на фразеологические сочетания, среди которых лидируют *Сталинская Конституция* (112 единиц) и *Сталинская премия* (96 единиц).

Говоря о прилагательных, образованных от имен политических деятелей вообще, стоит отметить единичные примеры, связанные с характеристикой внешности политического деятеля, которые можно объяснить лишь привлечением историко-культурного контекста: язык фиксирует какую-то запоминающуюся деталь внешнего облика, игнорируя все остальное. Хотя некоторую устойчивость приобретают контексты *ленинская кепка, путинские часы, брежневские брови*, в целом этот тип употреблений не характерен для исследуемых прилагательных. Неотторжимое владение, когда посессивная валентность приписывается частям тела, носит единичный характер: помимо *брежневских бровей*, встречаются *хрущевская ладонь* и *сталинские пальцы*. Впрочем, в последнем случае очевидна амфиболия — использование слова одновременно в прямом и переносном значениях: «Их отцов и дедов лепили из библейской глины *сталинские пальцы*, добываясь покорности, единообразия, выдавливая из глиняного теста все лишнее» <П. Алешковский>.

В языковом сознании политический деятель предстает некоей отчасти мифологизированной фигурой, черты его внешности и личные вкусы находятся на периферии осмысления, поэтому вполне закономерной выглядит редукция человеческой индивидуальности. Концептуализация личности в сознании неизбежно укрупняет («монополизирует») одни ее черты и микширует, ослабляет другие.

Анализ прилагательных, мотивированных именами советских и российских государственных деятелей, показывает, что всем им — в той или иной степени — свойственны модели, выявленные для адъектива *сталинский*.

Анализ отономастических прилагательных, образованных от имен государственных деятелей, невозможен без учета фоновых знаний и того культурно-исторического контекста, который позволяет увидеть признаки референта имени. По словам И. Г. Милославского, понимание словосочетаний с отантропонимическими прилагательными «требует не только знания значений слов, но знаний хотя бы о главных, определяющих чертах упоминаемых лиц» [Милославский, 2016, 49]. В таких контекстах, как *хрущевская кукуруза, хрущевская пятиэтажка, горбачевские талоны* и др., отображаются свернутые пропозиции, так как за ними стоят особые структуры, требующие операции семантического вывода. По словам Е. С. Кубряковой, «производное слово — это по существу краткая дескрипция обозначаемого, за которой стоят более полные и более развернутые

знания о нем, — они-то и должны быть “восстановлены” или, по крайней мере, учтены в акте понимания производного слова» [Кубрякова, 2004, 412]. Применительно к исследуемому материалу распознавание информации происходит с учетом сочетаемости дериватов: *горбачевские талоны* — это талоны, которые выдавали на отдельные продукты питания во времена продуктового дефицита — в годы, когда М. С. Горбачев руководил страной. Отантропонимический дериват становится удобной формой для упаковки сложной информации. В основе формирования значения лежит принцип метонимии, распространенный в целом для отономастической деривации [см.: Голев, 1991]. Метонимия становится способом создания комплексного знака.

Люди членят время при помощи указания на политического деятеля, выделяют вехи в истории, совпадающие со временем правления того или иного политика: «Советских людей я бы разделила на четыре поколения: *сталинское, хрущевское, брежневское* и *горбачевское*. Я — из последнего. Нам было легче принять крах коммунистической идеи, так как мы не жили в то время, когда идея была молодая, сильная, с нерастраченной магией гибельного романтизма и утопических надежд. Мы выросли при кремлевских старцах» <С. Алексиевич>. Ввиду того что чаще всего время правления политических деятелей не было слишком коротким, отантропонимические прилагательные легко сочетаются со словами *эпоха* и *времена*. По понятным причинам велико количество таких контекстов для прилагательных *сталинский* и *брежневский*.

Среди контекстов с прилагательными, образованными от антропонимов, совершенно особое место занимают словосочетания с именем *Россия*. Время связывается с политическим лидером, и приписывание времени политической характеристики оказывается удобной моделью для осмысления хода истории: «Нет выражения “клинтоновская” или “бушевская” Америка. Нет миттерановской или шираковской Франции, или шредеровской Германии (хотя гитлеровская была). Но вполне законными являются устойчивые словообороты *Петровская Россия, Екатерининская Россия, Николаевская Россия, Сталинская* или там *Брежневская Россия. Ельцинская*. Теперь будет *Путинская*» <В. Лебедев>. Общественная психология использует имя политического лидера не только как способ дискретного представления времени, но и как указание на значимость политика для судьбы России.

С каждым из государственных деятелей связаны значимые события, которые порождают словосочетания, представляющие собой коллокации: *сталинские репрессии, брежневский застой, хрущевская оттепель, горбачевская перестройка, ельцинские реформы*. Среди словосочетаний с прилагательным *ленинский* частотны *ленинский курс, ленинские принципы, ленинское учение*, какая-то одна устойчивая номинация отсутствует. При этом деятельность Ленина сосредоточена, судя по контекстам, в области интеллектуального труда и теории революции. Слово *путинский*, по данным [НКРЯ], еще не обрело устойчивого контекстного партнера. Вероятно, возникновение таких коллокаций требует времени для

осмысления событий. Согласно поисковым системам, приобретает популярность конструкция *путинские санкции*, однако неизвестно, останется ли она актуальной в исторической перспективе.

Не только в сочетании с отантропонимическими прилагательными, но и без них имена *репрессии*, *оттепель*, *перестройка* несут на себе признаки определенного времени, становятся лексическими «якорями» для характеристики происходящего и притягивают к себе имя политического деятеля: «Вы помните, какое тогда было время? Самый расцвет застоя. Брежнев казался вечным, советский строй — абсолютно незыблемым» <Ч. Айтматов>; «Дэвид еще в студенческие годы приезжал в Москву на стажировку. В качестве журналиста переживал здесь конец эпохи Брежнева, перестройку Горбачева, перетряску Ельцина и вот теперь — переделку Путина» <В. Абарин>. Последний пример является иллюстрацией синонимии словосочетаний с родительным падежом и отантропонимическими адъективами (*перестройка Горбачева* — *горбачевская перестройка*). При этом словосочетание с отантропонимическим прилагательным позволяет более обобщенно, в некотором отстранении от носителя признака (конкретного политического деятеля) охарактеризовать событие.

Продолжая рассмотрение отантропонимической деривации, сопоставим типы семантической сочетаемости производных от фамилий политиков с прилагательными, образованными от фамилий писателей и поэтов. Для анализа взяты прилагательные *пушкинский* (5 024 употребления), *гоголевский* (1 107 употреблений), *чеховский* (1 871 употребление).

Распределение контекстов по типам реализуемых значений рассмотрено на материале прилагательного *чеховский*.

1. Акциональный кластер:

а) «созданный Чеховым»: *пьесы, рассказы, письма, спектакли, история, сюжеты, проза, театр* (1 096 единиц);

б) «относящийся к произведениям Чехова»: *чайка, Иванов, сестры, степь, душечка* (88 единиц);

в) «характеризующий произведения Чехова»: *юмор, настроение, интонации* (7 единиц).

2. Локальный кластер («связанный географически с жизнью Чехова»): *Сахалин, Ялта, места* (8 единиц).

3. Темпоральный кластер: *времена* (9 единиц), *век* (2 единицы), *юбилей* (2 единицы);

4. «Имущественный» кластер: *домик* (6 единиц), *кабинет* (4 единицы).

5. Компаративный кластер («такой, как у Чехова»): *бородка* (10 единиц), *пенсне* (6 единиц).

6. Эмоционально-оценочный кластер: *дарование, талант* (20 единиц).

7. Номинативный кластер («названный в честь Чехова»): *фестиваль, чтения, колхоз* (52 единицы).

К числу словоупотреблений, остающихся за пределами рассматриваемых значений, можно отнести *чеховское ружье*, приобретшее фразеологическое значение 'деталь, предмет в театральной постановке, который должен иметь функционально оправданный смысл': «Где тут у нас то пресловутое ружье, которое, вися на сцене, непременно должно выстрелить» <В. Аксенов>. Довольно сложно отнести к какому-то определенному типу словосочетание *чеховский интеллигент* как обозначение некоего символического образа, типажа.

Хотя большинство типов значений, выделяемых у «политических» и «писательских» отантропонимических прилагательных, совпадает, для «писательских» адъективов характерна высокая сочетаемость со словами, которые называют результаты деятельности их референтов. Минимально в сравнении с дериватами от имен политиков реализован темпоральный кластер. Вместе с тем прилагательные, мотивированные именами писателей и поэтов, активно сочетаются со словом *Россия*, что может являться одним из косвенных свидетельств литературоцентричности, свойственной русской культуре. Этот факт можно объяснить традицией обращения русской литературы к проблемам общественно-политической жизни страны: «Из наших книг вдруг исчезла *Гоголевская, Чеховская, Толстовская Россия*, — вся зримая, вся отчетливо видимая, нестерпимо бьющая по глазам, и точно перед слепорожденными бесследно прошло многоликое потомство и Хоря, и Калиныча, и Хлестакова, и трех сестер» <К. Чуковский>.

Статистическое распределение явно указывает на то, что писатель, по данным языка, является более деятельным, чем политик, и созданные им литературные произведения — главный результат деятельности. Произведения писателя «населены» разнообразными персонажами, и отсюда возникает *гоголевский мир* (впрочем, как и *пушкинский*, и *чеховский*) со своим языком (*гоголевский язык*). Политик, государственный деятель, казалось бы, не создает свой мир, он формирует идеологию, однако эта идеология также обладает миромоделирующим потенциалом, охватывая широкий круг предметов, явлений, событий. В результате возникают вымышленные «миры»: мир, созданный художником слова, и история, которая представлена будто бы принадлежащей одному человеку.

Великая личность оставляет в мире следы своего влияния. Отражаются они, естественно, и в языке. В принципе, каждая великая личность в своих делах, поступках, мыслях, теориях моделирует свой мир. Но мир, создаваемый политиком, отличается от мира писателя, что мы и наблюдаем в исследуемом материале.

Для того чтобы осмыслить словосочетание *сталинский амфир*, необходимо иметь представление об архитектурном стиле, распространенном во времена правления Сталина. Для того чтобы верно интерпретировать контекст «Только усилием воли я заставляла себя работать в прежнем ритме — писала, выступала, пела. Себя ощущала *чеховской чайкой*, подстреленной на самой высоте полета» <Л. Иванова>, необходимо знать сюжет пьесы Чехова. И в том, и в другом случае воспринимающий осуществляет операцию семантического вывода, которая

основана на установлении значения производящей основы, значения контекстного партнера и фоновых знаниях носителей языка. «Поверхностно-синтаксическая структура высказывания усложняется за счет “уплотнения” содержащейся в нем информации. <...> Фактически речь идет о латентных, скрытых процессах, протекающих во внутренней речи. На выходе же эти “упакованные”, сжатые смысловые конфигурации принимают вид элементарных синтагм — объективных, релятивных или атрибутивных» [Норман, 2013, 153–154].

Собственное имя, будучи производящей единицей таких дериватов, определяет их культурно-прагматические особенности, проявляющиеся в контексте. При этом одно и то же прецедентное имя способно, по словам В. В. Красных, развивать «“локальные семантики”, формирующие сложный, комплексный инвариант восприятия» [Красных, 2016, 278]. Эмоционально-образное восприятие прецедентного имени, множественность ассоциаций находят отражение в словарях. Так, в «Словаре коннотативных собственных имен» Е. Отина имя *Наполеон* имеет пять образных значений, а у прилагательного *наполеоновский* фиксируется только одно — ‘грандиозный, выдающийся’ [Отин, 2006, 272]. Однако прилагательное *наполеоновский* используется в словосочетаниях, актуализирующих поведение, черты характера (*наполеоновское высокомерие, наполеоновская решимость*), интеллектуальные свойства (*наполеоновские замыслы*), некоторые особенности внешности (*наполеоновский профиль, наполеоновская поза*) и др.

Семантическая структура прилагательного необязательно копирует коннотации, которые имеет производящее прецедентное имя. Отантропонимическое прилагательное способно как утрачивать семантические признаки прецедентного производящего имени, так и приобретать новые значения, привносимые контекстом. Например, прецедентное имя *Сократ* используется для обозначения умного и образованного человека, при этом сомнительно его использование в отношении лысого человека, в то время как словосочетание *сократовская лысина* вполне приемлемо и основано на ассоциативной связи лысины и ума: «За длинным полированным столом орехового цвета сидели в креслах двое: Аксель Бригов и математик Бродский, которого я узнал по мощной *сократовской лысине*» <Е. Велтистов>.

Итак, наличие отантропонимических дериватов является показателем прецедентного характера имен, их принадлежности сфере культурно-языкового опыта. Прецедентные имена имеют мотивирующие коды, которые в отантропонимических дериватах могут поворачиваться разными гранями. Чем глубже наши знания о человеке, чья фамилия стала производящей основой для образования прилагательного, тем скорее относительное или притяжательное значение уступает качественному — и прилагательное приобретает новые оттенки значений. Например, в контексте «Надо сказать, что *булгаковский*, то есть ироничный и резкий, юмор проявлялся и в остротах Ливанова, и у Станицына» <В. Давыдов> качественность подчеркивается синтаксически: прилагательное *булгаковский* становится однородным определением с прилагательными *ироничный* и *резкий*.

Соединение прилагательного, образованного от антропонима, с существительным представляет собой частный случай комбинаторики знаков, служащей образованию комплексного знака, аранжировка которого во многом определяется фоновыми знаниями воспринимающего.

-
- Виноградов В. А.* Александр Александрович Реформатский и его книга // Реформатский А. А. Введение в языковедение : учебник для вузов / под ред. В. А. Виноградова. М. : Аспект-Пресс, 2005.
- Виноградов В. В.* Русский язык: грамматическое учение о слове. М. : Учпедгиз, 1947.
- Голев Н. Д.* Мотивационные типы ономастических образований в художественной литературе и публицистике // Номинация в ономастике : сб. ст. / под ред. М. Э. Рут. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 51–60.
- Красных В. В.* Словарь и грамматика лингвокультуры. М. : Гнозис, 2016.
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание. М. : Языки славянской культуры, 2004.
- МАС — Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984.
- Миловский И. Г.* Притяжательность как семантическая и как словоизменительная характеристика относительных прилагательных // Русский язык в школе. 2016. № 3. С. 47–51.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/>.
- Норман Б. Ю.* Когнитивный синтаксис русского языка. М. : Флинта ; Наука, 2013.
- Отин Е. С.* Словарь коннотативных собственных имен. М. : АТемп, 2006.
- РГ 1980 — Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1980.
- СУ — Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940.
- Сулименко Н. Е.* Современный русский язык: к изучению семантики имен прилагательных. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2008.
- ТФГ — Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб. : Наука, 1996.

Рукопись поступила в редакцию 07.05.2017

Норман Борис Юстинович

доктор филологических наук, профессор кафедры
теоретического и славянского языкознания
Белорусский государственный университет;
ведущий научный сотрудник кафедры
современного русского языка и прикладной
лингвистики

Уральский федеральный университет
220030, Беларусь, Минск, ул. К. Маркса, 31,
комн. 52

E-mail: boris.norman@gmail.com

Плотникова Анна Михайловна

доктор филологических наук, профессор кафедры
общего языкознания и русского языка

Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 313

E-mail: annamp@yandex.ru

Norman, Boris Yustinovich

DrHab, Professor, Department
of Theoretical and Slavonic Linguistics,
Belarusian State University;
Leading Research Fellow, Department
of Contemporary Russian Language
and Applied Linguistics,
Ural Federal University

31, Karl Marks str., room 31
220020 Minsk, Belarus

E-mail: boris.norman@gmail.com

Plotnikova, Anna Mikhailovna

DrHab, Professor, Department
of Contemporary Russian Language
and Applied Linguistics,
Ural Federal University

51, Lenin av., room 313
620000 Ekaterinburg, Russia

E-mail: annamp@yandex.ru

Boris Yu. Norman

Belarusian State University
Minsk, Belarus

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

Anna M. Plotnikova

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

**EPONYMOUS ADJECTIVES IN THE RUSSIAN LANGUAGE:
CORPUS-BASED APPROACH TO STUDYING
ONE WORD-FORMATION TYPE**

The article discusses morphological, semantic and pragmatic characteristics of Russian adjectives derived from surnames (*pushkinsky*, *chekhovsky*, *leninsky*, and others). The authors analyze types of suffixal morphs used to form adjectives from Russian and foreign surnames; characterize intralingual obstacles to adjectives formation and explain extralingual factors affecting the usage of surname derivatives. Popularity of a politician or a public figure, such as an actor or sportsman, directly provides for a wider circulation not only of their surnames, but also of their surname derivatives. The corpus-based approach to studying adjectives derived

from surnames of political leaders and writers reveals specific sets of linguistic units called *semantic clusters*. These clusters are based on categorial meanings of adjectives, and provided that the collocating nouns belong to the same ideographic class. Adjectives derived from surnames do not belong to one specific grammar sub-class; on the contrary, they combine characteristics of qualitative, relative, and possessive adjectives. Precedent names determine connotations of such adjectives, although the semantic structure of a derivative does not necessarily copy that of the source word. Eponymous words are a convenient means for accommodating complex information whereas understanding their meaning requires certain background knowledge and builds on the principles of compositional semantics.

К e y w o r d s: Russian language, adjectives, anthroponym, surname, adjectives derived from surnames, semantics, pragmatics, word-formation type.

Acknowledgements

This work was supported by the *Russian Science Foundation* (project number 16-18-02005).

- Bondarko, A. V. (Ed.). (1996). *Teoriia funktsional'noi grammatiki: Lokativnost'. Bytiinost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'* [Theory of Functional Grammar: Locativity. Beingness. Possessivity. Causality]. Saint Petersburg: Nauka.
- Evgenyeva, A. P. (Ed.). (1981–1984). *Slovar' russkogo iazyka* [Russian Language Dictionary] (Vols. 1–4) 2nd ed. Moscow: Russkii iazyk.
- Golev, N. D. (1991). Motivatsionnye tipy otonomasticheskikh obrazovaniy v khudozhestvennoi literature i publitsistike [Motivational Types of Eponymic Constructions in Fiction and Journalism]. In M. E. Rut (Ed.), *Nominatsiia v onomastike* [Nomination in Onomastics] (pp. 51–60). Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta.
- Krasnykh, V. V. (2016). *Slovar' i grammatika lingvokul'tury* [Vocabulary and Grammar of Linguo-Culture]. Moscow: Gnozis.
- Kubriakova, E. S. (2004). *Iazyk i znanie* [Language and Knowledge]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Miloslavsky, I. G. (2016). Pritiazhatel'nost' kak semanticheskaia i kak slovoizmenitel'naia kharakteristika otnositel'nykh prilagatel'nykh [Possessiveness as a Semantic and Inflectional Characteristic of Relative Adjectives]. *Russkii iazyk v shkole*, 3, 47–51.
- Natsionalnyi korpus russkogo iazyka [Russian National Corpus]. Retrieved from <http://ruscorpora.ru/>.
- Norman, B. Yu. (2013). *Kognitivnyi sintaksis russkogo iazyka* [Cognitive Syntax of the Russian Language]. Moscow: Flinta; Nauka.
- Otin, E. S. (2006). *Slovar' konnotativnykh sobstvennykh imen* [The Dictionary of Connotative Proper Names]. Moscow: ATemp.
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Russkaia grammatika* [Russian Grammar] (Vols. 1–2). Moscow: Nauka.
- Sulimenko, N. E. (2008). *Sovremennyi russkii iazyk: K izucheniiu semantiki imen prilagatel'nykh* [Russian Language: A Study in the Semantics of Adjectives]. Saint Petersburg: Izd-vo Politekhn. un-ta.
- Ushakov, D. N. (Ed.). (1935–1940). *Tolkovy slovar' russkogo iazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4). Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. Slovari.
- Vinogradov V. A. (2005). Aleksandr Aleksandrovich Reformatskii i ego kniga [Alexander Reformatsky and His Book]. In A. A. Reformatskii (auth.), *Vvedenie v iazykovedenie* [Introduction to Linguistics]. Moscow: Aspekt Press.
- Vinogradov, V. V. (1947). *Russkii iazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian Language: Grammatical Studies on the Word]. Moscow: Uchpedgiz.

Received 7 May 2017